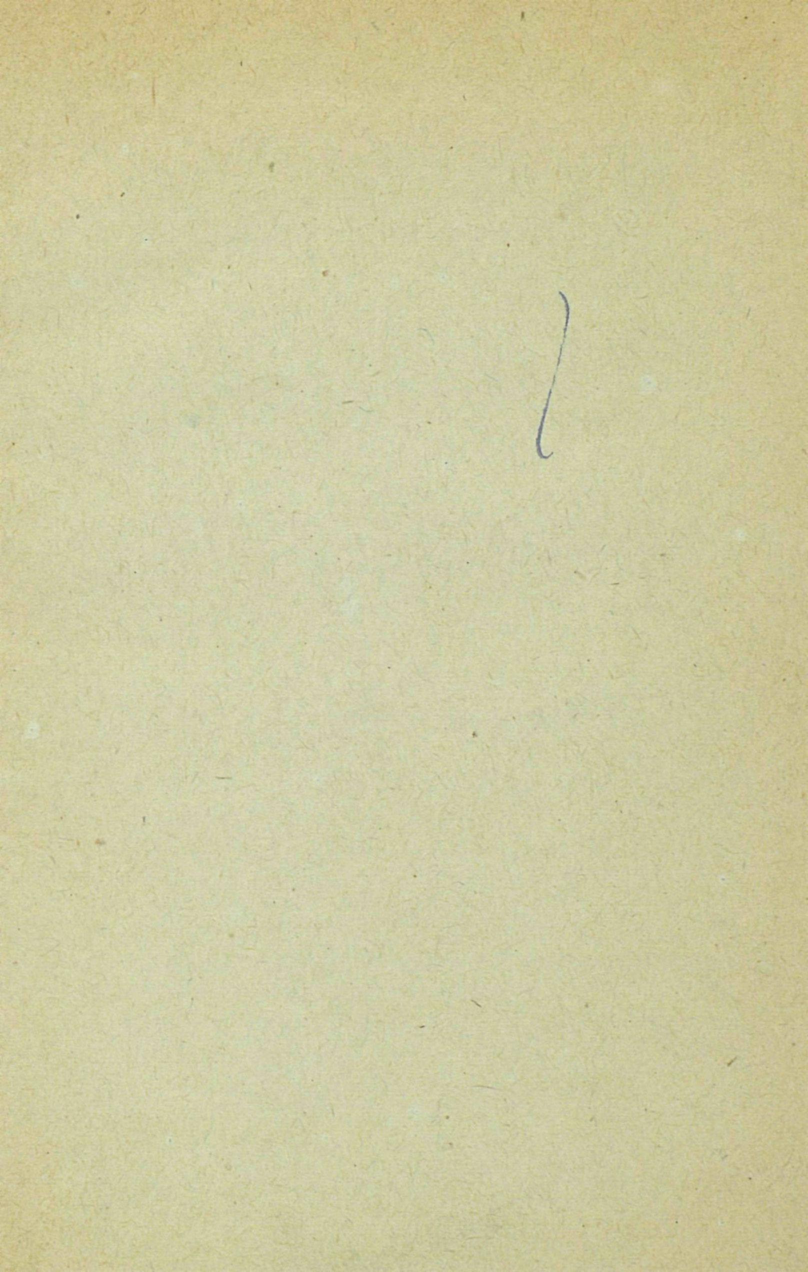

1915

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ

ANNO MUNDI ARDENTIS

ИЗДАТЕЛЬСТВО ·ЗЕРНА·

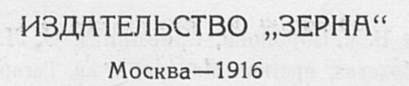
Давид Выгодский

13 апреля 1916 года. СПб

Максимиліанъ Волошинъ

ANNO MUNDI ARDENTIS

1915

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗЕРНА“
Москва—1916

Обложка работы Л. Бакста.

Типографія В. И. Воронова, преемникъ Ѳ. Л. Гавриленко.
Моховая, противъ Манежа, д. кн. Гагарина.

Амари:

Посвящаю эту книгу Вамъ, угадавшему ее еще въ первыхъ разрозненныхъ стихахъ и этимъ призвавшему къ бытiю.

М. В.

1915. Декабрь.

Парижъ.

„Вотъ я дѣлаю новое.
Нынѣ оно явится. Неужели
вы и этого не хотите
знать?“

Исаіи кн. XLIII. 19.

(Слова выпавшія въ ночь на 1915 годъ.)

I

ВНУТРЕННІЕ ГОЛОСА

750

Плывущій за руномъ по хлябямъ дикихъ водъ,
И въ землю сѣющій драконьи зубы, вскорѣ
Увидитъ въ бороздахъ не озими, а всходъ
Гигантовъ борящихся... Горе!

3. II. 1915.

I.

ПОДЪ ЗНАКОМЪ ЛЬВА.

Посв. М. В. Сабашниковой.

Томимый снами, я дремалъ,
Не чуя близкой непогоды;
Но грянулъ громъ, и вѣтръ упалъ,
И свѣтъ померкъ, и вздулись воды.

И кто-то для моихъ шаговъ
Провелъ невидимыя тропы
По стогнамъ буйныхъ городовъ
Объятой пламенемъ Европы.

Уже въ петляхъ скрипѣла дверь
И въ стѣны билъ прибой съ разбѣга,
И я, какъ запоздалый звѣрь,
Вошелъ послѣднимъ внутрь ковчега.

Августъ 1914 г.
Дорнахъ.

II.

НАДЪ ПОЛЯМИ АЛЬЗАСА.

Ангелъ непогоды
Пролилъ огнь и громъ,
Напоивъ народы
Яростнымъ виномъ.

Средь земныхъ безлюдій
Тишина гудитъ
Грохотомъ орудій,
Топотомъ копытъ.

Преклоняя ухо
Въ глубь души, внемли,
Какъ вскипаетъ глухо
Желчь и кровь земли.

Сентябрь 1914 г.
Дорнахъ.

III.

ВЪ ЭТИ ДНИ.

Посв. И. Эренбургу.

Въ эти дни великихъ шумовъ ратныхъ
И побѣдъ пылающихъ вдали
Я плѣненъ въ пространствахъ безвозвратныхъ
Оголтѣлой, стынущей земли.

Въ эти дни не спазмой трудныхъ родовъ
Схваченъ духъ: внутри разодранъ онъ
Яростью сгрудившихся народовъ,
Ужасомъ разъявшихся временъ.

Въ эти дни нѣтъ ни врага, ни брата:
Всѣ во мнѣ, и я во всѣхъ; одной
И одна—тоскою плоть объята
И горитъ сама къ себѣ враждой.

Въ эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, какъ дымъ.
Въ эти дни душа больна однимъ
Искушеніемъ—развоплотиться.

5. II. 1915.

Парижъ.

IV.

ПОСѢВЪ.

Въ осенній дымъ по стынущимъ полянамъ
Дымящіяся водятъ борозды
Не пахари;
Не радуется ранамъ
Своимъ земля;
Не плугъ вскопалъ слѣды;
Не сѣмена пшеничнаго посѣва,
Не токъ дождей въ разъявшуюся новь, —

Но сталь и мѣдь,
Живую плоть и кровь
Недобрый Сѣятель
Въ годину Лжи и Гнѣва
Рукою щедрою посѣялъ...
Бѣдъ
И ненависти колосъ,
Змѣи плевелъ
Взойдутъ въ поляхъ безрадостныхъ побѣдъ,
Гдѣ землю-мать
Жестокій сынъ прогнѣвалъ.

3. II. 1915.
Парижъ.

V.

ГАЗЕТЫ.

Я пробѣгаю жаднымъ взглядомъ
Вѣстей горючихъ письмена,
Чтобъ душу влажную отъ сна
Съ утра ожечь ползучимъ ядомъ.
Въ строкахъ кроваваго листа
Кишатъ смертельныя трихины,
Проникновенны лезвіины,
Неистребимы, какъ мечта.
Бродила мщенья, дрожжи гнѣва,
Вникаютъ въ мысль, гніютъ въ сердцахъ,
Туманятъ духъ, цвѣтутъ въ бойцахъ
Огнями дьявольскаго сѣва.
Ложь заволакиваетъ мозгъ
Тягучей дремой хлороформа
И зыбкой полуправды форма
Течетъ и лѣпится, какъ воскъ.

И гнилостной пронизанъ дрожью
Томлюсь и чувствую въ тиши,
Какъ, обезболенному ложью,
Мнѣ вырѣзаютъ часть души.
Не знать, не слышать и не видѣть...
Застыть какъ соль... уйти въ снѣга...
Дозволь не разлюбить врага,
И брата не возненавидѣть!

12. V. 1915.
Парижъ.

VI.

ДРУГУ.

„А я таинственный пѣвецъ
На берегъ выброшенъ волною“...
„Аріонъ“.

Мы, столь различные душою,
Единый пламень берегли,
И братски связаны тоскою
Однихъ камней, одной земли.
Одни сверкали намъ вдали
Созвѣздій пламенные диски;
И гдѣ бы ни скитались мы,
Но сердцу безысходно близки
Ѳеодосійские холмы.
Насъ тусклый плѣнъ земной тюрьмы,
И рдяный угль творящей правды
Привелъ къ могильникамъ Ардавды,
И тамъ, ввѣряясь бытію,
Снастили мы одну ладью;

И зорко испытуя дали,
И бѣгъ волнистыхъ облаковъ,
Крылатый парусъ напрягали
У Киммерійскихъ береговъ.
Но ясновидящая сила
Хранила мой безпечный вѣкъ:
Во снѣ меня волною смыло
И тихо вынесло на брегъ.
А ты, пловецъ, съ душой безсонной
Отъ сновидѣній и молитвъ,
Ушелъ въ круговороты битвъ
Изъ мастерской уединенной.
И здѣсь, у чуждыхъ береговъ
Въ молчаньи ночи одинокой
Я слышу звукъ твоихъ шаговъ
Неуловимый и далекой.
Я буду волить и молить,
Чтобы тебя въ кипѣньи битвы
Могли, какъ облакомъ, прикрыть
Неотвратимыя молитвы.
Да оградитъ тебя Господь
Отъ Князя огненной печали
Тоской пытающаго плоть,
Да защититъ отъ ѣдкой стали,
Отъ жадной мѣди, отъ свинца,
Отъ стерегущаго огнива,

От злобы яростнаго взрыва,
От стрѣл крылатаго гонца,
От ядовитаго дыханья,
От проницающих огней,
Да не смутят души твоей,
Ни гнѣва сладостный елей,
Ни мести жгучее лобзанье.
Да не прервутся нити прях,
Сидящих в пурпурных лоскутьях
На всѣх побѣдных перепутьях,
На всѣх погибельных путях.

23. VIII. 1915.
Біарриц.

VII *).

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

*) Седьмое стихотвореніе этого цикла, обращенное къ Россіи, не должно быть напечатано теперь по внутреннему убѣжденію автора.

II

СОЛНЕЧНЫЯ СПЛЕТЕНІЯ

И былъ повергнутъ я судьбой
Въ кипящій горнъ страстей народныхъ, —
Въ сей градъ, что горькою звѣздой
Упалъ на узелъ токовъ водныхъ.

I.

ПАРИЖЪ ВЪ ЯНВАРѢ.

Посв. Кн. В. Н. Аргутинскому.

Все тотъ же онъ во дни войны,
Въ часы тревогъ, въ минуты боли...
Какъ будто грезитъ тѣ же сны
И плавитъ въ горнахъ тѣ же воли.
Все тѣ же крики продавцовъ
И гулъ толпы глухой и дальній.
Лишь голосъ уличныхъ пѣвцовъ
Звучитъ пустыннѣй и печальнѣй.
Да ловитъ глазъ въ потокахъ лицъ
Рѣшимость сдвинутыхъ надбровій,
Улыбки маленькихъ блудницъ,
Войной одѣтыхъ въ трауръ вдовій;
Рѣшетки запертыхъ оконъ,
Да на фасадахъ полинялыхъ

Трофеи праздничныхъ знаменъ,
Въ дождяхъ и вѣтрѣ обветшалыхъ.
А по ночамъ безглазый мракъ
Въ провалахъ улицъ долго бродитъ,
Напоминая всѣмъ, что врагъ
Не побѣжденъ и не отходитъ.
Да свѣты небо стерегутъ,
Да вѣтръ доноситъ запахъ пашни,
И безпокойно - долгій гудъ
Идетъ отъ Эйфелевой башни.
Она чрезъ океаны шлетъ
То бѣгъ часовъ, то вѣсть возмездья,
И сквозь желѣзный переплетъ
Сверкаютъ зимнія созвѣздья.

19. II. 1915.
Парижъ.

II.

РЕЙМСКАЯ БОГОМАТЕРЬ.

Посв. Марьѣ Самойловнѣ Цетлинъ.

„Vue de trois-quarts, la Cathédrale de Reims évoque une grande figure de femme, agénouillée, en prière.“
Rodin.

Въ минуты грусти просвѣтленной
Народы созерцать могли
Ее—колѣнопреклоненной
Средь виноградниковъ Земли.
И всѣхъ, кто сномъ земли недуженъ,
Ея цѣлила благодать,
И шли волхвы, чтобъ увидать
Ее—жемчужину жемчужинъ.
Она несла свою печаль,
Одѣта въ каменныя ткани
Прозрачно-сѣрыя, какъ даль
Спокойныхъ овидей Шампани.
И сотканъ былъ ея покровъ
Изъ жемчуга луговъ поемныхъ,
Туманныхъ утръ и облаковъ,
Дождей хрустальныхъ, ливней темныхъ.

Одеждъ ея чудесный сонъ,
Небеснымъ свѣтомъ опаленъ,
Горѣлъ въ сіяньи малыхъ радугъ,
Сердца мерцали алыхъ розъ,
И свѣтотѣнь курчавыхъ складокъ
Струилась прядями волосъ.
Земными создана руками,
Она сама была землей—
Ея лугами, и рѣками,
Ея предутренними снами,
Ея вечерней тишиной.
...И обнаживъ, ее распяли...
Огонь лизалъ, и стрѣлы рвали
Святую плоть... Но по ночамъ,
Въ порывѣ безысходной муки,
Ея обугленныя руки
Простерты къ зимнимъ небесамъ.

19. II. 1915.
Парижъ.

III.

LUTETIA PARISIORUM.

„Fluctuat nec mergitur."

Парижъ, Царьградъ и Римъ—каріатиды
При входѣ въ храмъ! Вамъ—солнцамъ-городамъ ,
Кольцеобразно легшимъ по водамъ,
Завѣщанъ міръ. Въ васъ сѣмя Атлантиды

Дало ростокъ. Пророки и друиды
Во тьмѣ лѣсовъ таили Дѣвы храмъ,
А на рѣкѣ, на мѣстѣ Notre-Dame
Священникъ пѣлъ заутрени Изиды.

Парижъ! Парижъ! Къ какой плыветъ судьбѣ
Ладья Озириса въ твоемъ гербѣ
Съ полночнымъ грузомъ солнечнаго диска?

Кто закрѣпилъ на площади твоей
Драконью кровь волхвовъ и королей
Луксорскаго печатью обелиска?

22. IV. 1915.
Парижъ.

IV.

ПАРИЖУ.

Посв. Е. С. Кругликовой.

Неслись года, какъ клочья бѣлой пѣны...
Ты жилъ во мнѣ, мѣняя обликъ свой;
И, уносимый встрѣчною волной,
Я шелъ опять въ твои замкнуться стѣны.

Но никогда сквозь жизни перемѣны
Такой пронзенной не любилъ тоской
Я каждый камень вѣщей мостовой
И каждый домъ на набережныхъ Сены.

И никогда въ дни юности моей
Не чувствовалъ сильнѣе и больнѣй
Твой древній ядъ отстоенной печали

На днѣ дворовъ, подъ крышами мансардъ,
Гдѣ юный Дантъ и отрокъ Бонапартъ
Своей мечты міры въ себѣ качали.

19. IV. 1915.
Парижъ.

V.

НОЧЬ ВЕСЕННЯГО РАВНОДЕНСТВІЯ.

Посв. А. Н. Ивановой.

(Цеппелины надъ Парижемъ).

Весь день звучали сверху струны
И гуды стерегущихъ птицъ.
А послѣ ночь писала руны,
И взмахи свѣтовыхъ рѣсницъ
Чертили небо. Отъ окрестныхъ
Полей поднялся мракъ и легъ.
Тогда въ ущельяхъ улицъ тѣсныхъ
Заголосилъ тревожный рогъ...
И было видно: освѣтленный
Сіяньемъ блѣднаго вѣнца,
Какъ стволъ дорической колонны,
Висѣлъ въ созвѣздіи Тельца
Корабль. Съ земли взвивались змѣи,

Высоко былъ фонтанъ кометъ
И гасъ средь звѣздъ Кассіопеи.
Внизу несомый малый свѣтъ
Строеній колыхалъ громады;
Но взрывовъ гулъ и ядръ потокъ
Ни звѣздной тиши, ни прохлады
Весенней—превозмочь не могъ.

18. IV. 1915.
Парижъ.

VI.

ВЕСНА.

Посв. А. В. Гольштейнъ.

Мы дни на дни покорно нижемъ.
Даль не свѣтла и не темна.
Надъ замирающимъ Парижемъ
Плыветъ весна... и не весна.

Въ жемчужныхъ утрахъ, въ зоряхъ рдяныхъ
Ни радости, ни грусти нѣтъ;
На зацвѣтающихъ каштанахъ
И листъ—не листъ, и цвѣтъ—не цвѣтъ.

Неуловимо безпокойна,
Безсолнечно просвѣтлена,
Неопьяненно и не стройно
Взмываетъ жданная волна.

Душа болитъ въ краю бездомномъ;
Молчитъ, и слушаетъ, и ждетъ...
Сама природа въ этотъ годъ
Изнемогла въ бореньи темномъ.

26. IV. 1915.
Парижъ.

VII.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Посв. Бальмонту.

Надъ призрачнымъ и вѣщимъ Петербургомъ
Склоняетъ ночь край мертвенныхъ хламидъ.
Въ челнѣ ихъ два. И старшій говоритъ:
„Люблю сей градъ открытый зимнимъ пургамъ
На тоняхъ водъ, закованныхъ въ гранитъ.
Онъ созданъ былъ безумнымъ Деміургомъ.
Вонъ конь его и змѣй между копытъ:
Конь змѣю—„сгинь!“, а змѣй въ отвѣтъ:
„Resurgam!“
Судьба имперіи въ двойной борьбѣ:
Здѣсь бунтъ, —тамъ строй; здѣсь бредъ, — тамъ
кличъ судьбѣ.
Но вотъ сто лѣтъ въ странѣ цвѣтутъ Рифейской
Ликеевъ миртъ и строгій лавръ палестръ“...
И глядя вверхъ на шпиль Адмиралтейскій,
Сказалъ другой: „Вы правы, графъ де-Местръ“.

8. II. 1915.
Парижъ.

III

АРМАГЕДДОНЪ

Чѣмъ глубже въ раковины ночи
Уходишь внутренней тропой,
Тѣмъ строже свѣтитъ глазъ слѣпой,
А сердце бьется одиноче...

I.

ПРОЛОГЪ.

Посв. Андрею Бѣлому.

Ты держишь міръ въ простертой длани,
И нынѣ сроки истекли...
Въ начальный годъ Великой Брани
Я былъ восхищенъ отъ земли.

И на замокъ небесныхъ сводовъ
Поставленъ, слышалъ, смуты полнъ,
Растущій вопль земныхъ народовъ
Подобный реву бурныхъ волнъ.

И съ высоты непостижимой
Низвергся Вѣстникъ оку зримый,
Какъ вихрь сверлящей синевы,
Огнемъ и сумракомъ повитый
Шестикрылатый и покрытый
Очами съ ногъ до головы.

И сводомъ потрясая звѣзднымъ,
На землю кинулъ онъ ключи,

Земнымъ приказывая безднамъ
Извергнуть тучи саранчи,
Чтобъ міръ пасти жезломъ желѣзнымъ.

А на вратахъ земныхъ пещеръ
Онъ начерталъ огнемъ и сѣрой:
„Любовь воздай за мѣру мѣрой,
А зломъ за зло воздай безъ мѣръ“.

И ставъ какъ млечный вихрь въ эѳирѣ
Мнѣ указалъ Вѣсы:
„Смотри:
Въ той чашѣ—міръ; въ сей чашѣ—гири:
Все проростающее въ мірѣ
Давно завершено внутри.“

Такъ былъ мнѣ внѣшній міръ показанъ,
И кладязь внутренній разъятъ.
И, знаньемъ звѣздной тайны связанъ,
Я вверженъ былъ обратно въ адъ.

Одинъ среди враждебныхъ ратей—
Не ихъ, не вашъ, не свой, ничей —
Я голосъ внутреннихъ ключей,
Я сѣмя будущихъ зачатій.

11. IX. 1915.
Біаррицъ.

ДВА ДЕМОНА.

Посв. Т. Г. Трапезникову.

1.

Я духъ механики. Я вещества
Во тьмѣ блюду слѣпыя равновѣсья,
Я полюсъ сферъ—небесъ и поднебесья,
Я геній числъ. Я счетчикъ. Я глава.

Мнѣ важны формулы, а не слова.
Я всюду и нигдѣ. Но кликни—здѣсь я!
Въ сердцахъ машинъ клокочетъ злоба бѣсья.
Я князь земли! Мнѣ знаки и права!

Я другъ свободъ. Создатель педагогикъ.
Я—инженеръ, теологъ, физикъ, логикъ.
Я призракъ истинъ сплавилъ въ стройный бредъ.

Я въ сокѣ конопли. Я въ зернахъ мака.
Я тотъ, кто кинулъ шарики планетъ
Въ огромную рулетку Зодіака.

2.

На дно міровъ пловцомъ спустился я—
Мятежный духъ, ослушникъ вышней воли.
Лучъ радости на семицвѣтность боли
Во мнѣ разложенъ влагой бытія.

Во мнѣ звучитъ всѣхъ духовъ литія,
Но семь цвѣтовъ разъяты въ каждой долѣ
Одной симфоніи. Не оттого ли
Отливами горю я, какъ змѣя?

Я святъ грѣхомъ. Я смертью живъ. Въ темницѣ
Свободенъ я. Безсиліемъ—могучъ.
Лишенный крылъ въ пареньи равенъ птицѣ.

Клюй, коршунъ, печень! Бей, кровавый ключъ!
Весь хоръ свѣтилъ—единъ въ моей цѣвницѣ,
Какъ въ радугѣ—единъ распятый лучъ.

6. II. 1915.
Парижъ.

III.

УСТАЛОСТЬ.

Посв. М. Стебельской.

Трости надломленной не преломить
И льна дымящагося не угасить".

Исаія XLII 3.

И тогда, какъ въ эти дни, война
Захлебнется въ пламени и въ лавѣ,
Будетъ споръ о власти и о правѣ,
Будутъ умирать за знамена...

Онъ придетъ не въ силѣ и не въ славѣ,
Онъ пройдетъ въ поляхъ, какъ тишина;
Ничего не тронетъ и не сломитъ,
Тлѣющаго не погаситъ льна
И дрожащей трости не преломитъ.
Не возвыситъ голоса въ горахъ,
Ни вина, ни хлѣба не коснется—
Только все усталое въ сердцахъ
Вслѣдъ Ему съ тоскою обернется.

Будетъ такъ, какъ солнце въ февралѣ
Изнутри неволитъ нѣжно сѣмя
Дать ростокъ въ оттаявшей землѣ.

И для гнѣва вдругъ изсякнетъ время,
Братской распри разомкнется кругъ,
Алый Всадникъ потеряетъ стремя,
И оружье выпадетъ изъ рукъ.

27. IX. 1915.
Біаррицъ.

IV.

АПОЛЛІОНЪ.

Посв. В. Ропшину.

„И открылъ онъ клядезь бездны
И вышла саранча...
И царемъ надъ собою она имѣла
Ангела
бездны... Имя ему —Аполліонъ,
что значитъ Истребитель“.

Откров. IX 1—12.

Изъ звѣздной бездны внутреннихъ пространствъ
Раздался голосъ возвѣстившій:
„Время
Топтать точило ярости!
За то, что люди
Для демоновъ имъ посланныхъ служить
Тѣла построили
И создали престолы;
За то, что гнѣву
Огня, раскрыли волю

Въ разбѣгѣ жерлъ и въ сжатости ядра;
За то, что въ своевольныхъ
Теченьяхъ воздуха сплели гнѣздо
Мятежнымъ духамъ взрыва;
За то, что безразличью
Текучихъ водъ и жаркаго тумана
Дали мускулъ
Бѣгущихъ ногъ и вихри колеса;
За то, что скупость рудъ
Въ рать пауковъ желѣзныхъ превратили
Неумолимо ткущихъ
Сосущія и душащія нити;
— За то—освобождаю
Плѣненныхъ демоновъ
Отъ клятвы покорности,
А хаосъ, скованный въ круженьяхъ вещества,
И въ пляскѣ вихрей —
Отъ строя музыки!
Даю имъ власть надъ міромъ
Покамѣстъ люди
Не покорятъ ихъ вновь
Въ себѣ самихъ смиривъ и оборовъ
Гнѣвъ, Скупость, Своеволье, Безразличье“...

И видѣлъ я:

Разверзлись двери неба
Въ созвѣздьи Льва,

И бѣсы
На землю ринулись...
Оставивъ домы,
Сгрудились люди по рѣчнымъ долинамъ,
Означившимъ великихъ царствъ межи,
И вырывши въ землѣ
Ходы змѣиные и мышьи тропы,
Пасли стада прожорливыхъ чудовищъ—
Сами—и пастыри, и пища.
Время
Какъ будто опрокинулось...
И некрещенымъ водой Потопа
Казался міръ:
Изъ тины выползали
Огромные, колѣнчатые гады,
Желѣзные кишѣли пауки,
Змѣи глотали молніи,
Драконы извергали снопы огня
И жалили хвостомъ,
Въ моряхъ и рѣкахъ рыбы
Метали икру смертельную,
Отъ ящеровъ крылатыхъ
Свѣтъ застилался,
Падали на землю
Разрывныя и огненныя яйца,
Тучи насѣкомыхъ

Чудовищныхъ строеньемъ и размѣромъ
Въ тѣлахъ людей горючія личинки оставляли;
И эти полчища исчадій, получившихъ
И ликъ, и плоть, и злобу отъ людей,
Снѣдь человѣчью жалили, когтили,
Давили, рвали, жгли, жевали, пожирали,
А города, подобно жерновамъ
Безъ устали работая, мололи
Зерно отборное изъ первенцовъ семействъ
На пищу демонамъ...

И Ангелъ Бездны

Ликуя, возгласилъ:
„Снимается проклятье Вавилона!
Языковъ раздѣленью
Пришелъ конецъ!
Однѣ и тѣ же рѣчи
Живутъ въ устахъ враговъ.
Но смыслъ именъ и емкость словъ
Я исказилъ внутри:
Понятія спутались,
Языкъ же сталъ
Безвыходно единымъ.
Каждый мыслитъ
Убійствомъ истребить убійство,
И одолѣть жестокостью жестокость.

И мученикъ своею правдой множитъ
Мою же ложь.
Мудрость,
Безстыдно обнажившись, какъ блудница,
Ласкаетъ воиновъ,
А Истины, сошедшія съ ума,
Рѣзвясь скользятъ по лужамъ
Обледенѣлой крови..."

23. IV. 1915.
Парижъ.

V.

АРМАГЕДДОНЪ.

Посв. Л. С. Баксту.

„Три духа, имѣющіе видъ жабъ... соберутъ царей вселенной для великой битвы... въ мѣсто называемое Армагеддонъ...

Откров. XVI 12—16.

Положивъ мнѣ руки на заплечье
(Кто?—не знаю, но пронзилъ испугъ
И упало сердце человѣчье...)
Взвелъ на холмъ и указалъ вокругъ.

Никогда такого запустѣнья,
И такихъ невыявленныхъ мукъ,
Я не грезилъ даже въ сновидѣньи!

Предо мной, тускла и широка,
Цѣпенѣла въ мертвомъ изступленьи
Каменная зыбь материка.

И куда бъ ни кинулъ смутный взоръ я—
Разстилались саваны пустынь,
Русла рѣкъ изсякшихъ, плоскогорья;
По краямъ, гдѣ индевѣла синь,
Громоздились снѣжныя нагорья,
И клубились свитками простынь
Облака. Сквозь огненныя жерла
Тѣсныхъ тучъ багровые мечи
Солнце заходящее простерло...
Такъ прощально гасли ихъ лучи,
Что тоскою мнѣ сдавило горло
И просилъ я:
„Вѣщій, научи:
Отъ какихъ планетныхъ ураганов
Этихъ волнъ гранитная гряда
Взмыта вверхъ?"
И былъ отвѣтъ:
„Сюда
По изсохшимъ ложамъ океановъ
Приведутъ въ день Страшнаго Суда
Трое жабъ царей и царства міра
Для послѣдней брани всѣхъ временъ.

Камни эти жаждутъ испоконъ
Хмѣльной желчи Божьяго потира.
Имя этихъ мѣстъ—Армагеддонъ".

3. X. 1915.
Біаррицъ.

VI.

ЛЕВІАѲАНЪ.

„Сердце его твердо, какъ камень и жестоко, какъ нижній жерновъ... На все высокое онъ смотритъ смѣло. Онъ царь надо всѣми сынами гордости".

Книга Іова XLI.

„Множество, соединенное въ одномъ лицѣ, именуется государствомъ — civitas. Таково происхожденіе Левіаѳана; говоря почтительнѣе,—этого смертнаго бога".

Hobbes. „Leviathan".

Мнѣ—Іову сказалъ Господь:
„Смотри:
Вотъ царь звѣрей, всѣхъ тварей завершенье
—Левіаѳанъ. Тебѣ разверзну зрѣнье,
Чтобъ видѣлъ ты, какъ внѣ, такъ и внутри
Частей его согласное строенье,
И славилъ правду мудрости моей".

И вотъ, какъ материкъ, изъ бездны пѣнной,
Вмывъ Океанъ, поднялся Звѣрь Звѣрей
Чудовищный, свирѣпый, многочленный...

Въ звѣриныхъ нѣдрахъ глазъ мой различалъ
Тяжелыхъ жерноновъ круговращенье,
Вихрь лопастей, мерцанія зеркалъ,
И бѣглый огнь и молній излученье.

———

„Онъ въ день седьмой былъ мною сотворенъ",
Сказалъ Господь: „Всѣ жизни отправленья
Въ немъ дивно согласованы. Лишенъ
Сознанія—онъ весь пищеваренье.
Все человѣчество извѣчно включено
Въ сплетенье жилъ на древѣ кровеносномъ
Его хребта, и движетъ въ немъ оно
Великій жерновъ сердца. Тусклымъ, коснымъ
Его ты видишь. Рдяною рѣкой
Струится свѣтъ мерцающій въ огромныхъ
Чувствилищахъ; а глубже—въ безднахъ темныхъ
Зіяетъ голодъ вѣчною тоской.
Чтобъ въ этихъ нѣдрахъ медленныхъ и злобныхъ
Любовь и мысль таинственно воззвать,
Я сотворю существъ ему подобныхъ
И дамъ имъ власть другъ друга пожирать".

———

И видѣлъ я, какъ бездна Океана
Извергла въ міръ голодныхъ спрутовъ рать:
Вскипѣла хлябь и сдѣлалась багряна.
Я жъ день рожденья началъ проклинать
И говорилъ:

„Зачѣмъ меня сознаньемъ
Ты въ этой тьмѣ кромѣшной озарилъ
И духъ живой, вдохнувъ въ меня дыханьемъ,
Дозволилъ стать рабомъ бездушнымъ силъ.
Быть слизью жилъ, бродиломъ соковъ чревныхъ
Въ кишкахъ чудовища?"
Въ раскатахъ гнѣвныхъ
Изъ бури отвѣчалъ Господь:
„Кто ты
Чтобы вѣсить міръ вѣсами суеты
И смыслъ хулить моихъ предначертаній?
Весь прахъ, вся плоть посѣянные мной
Не станутъ ли чистѣйшимъ изъ сіяній,
Когда Любовь растопитъ міръ земной?
Сихъ косныхъ тѣлъ алканіе и злоба
Лишь первый шагъ къ пожарищамъ любви.
Я самъ въ тебя сошелъ, какъ въ нѣдра гроба,
Я самъ огнемъ томлюсь въ твоей крови.
Какъ я—тебя, такъ ты взыскуешь землю.
Сгорая—жги. Замкнутый въ гробъ—живи.
Такимъ мой міръ пріемлешь ли?"
—„Пріемлю".

9. XII. 1915.
Парижъ.

DIES ILLA TAM AMARA.

...„И отдала земля мертвыхъ
бывшихъ въ ней"...

Праху—прахъ...
Я сталъ давно землей...
Мною цвѣли растенья,
Мною свѣтило солнце.
Все, что было плотью,
Развѣялось, какъ радужная пыль,
Живая, безымянная.
И Океанъ временъ
Катилъ прибой столѣтій...

Вдругъ
Призывъ Архангела,
Насквозь сверкающій
Кругами мѣдныхъ звуковъ
Потрясъ вселенную;
И вспомнилъ себя
Я каждою частицей,
Разсѣянною въ мірѣ.

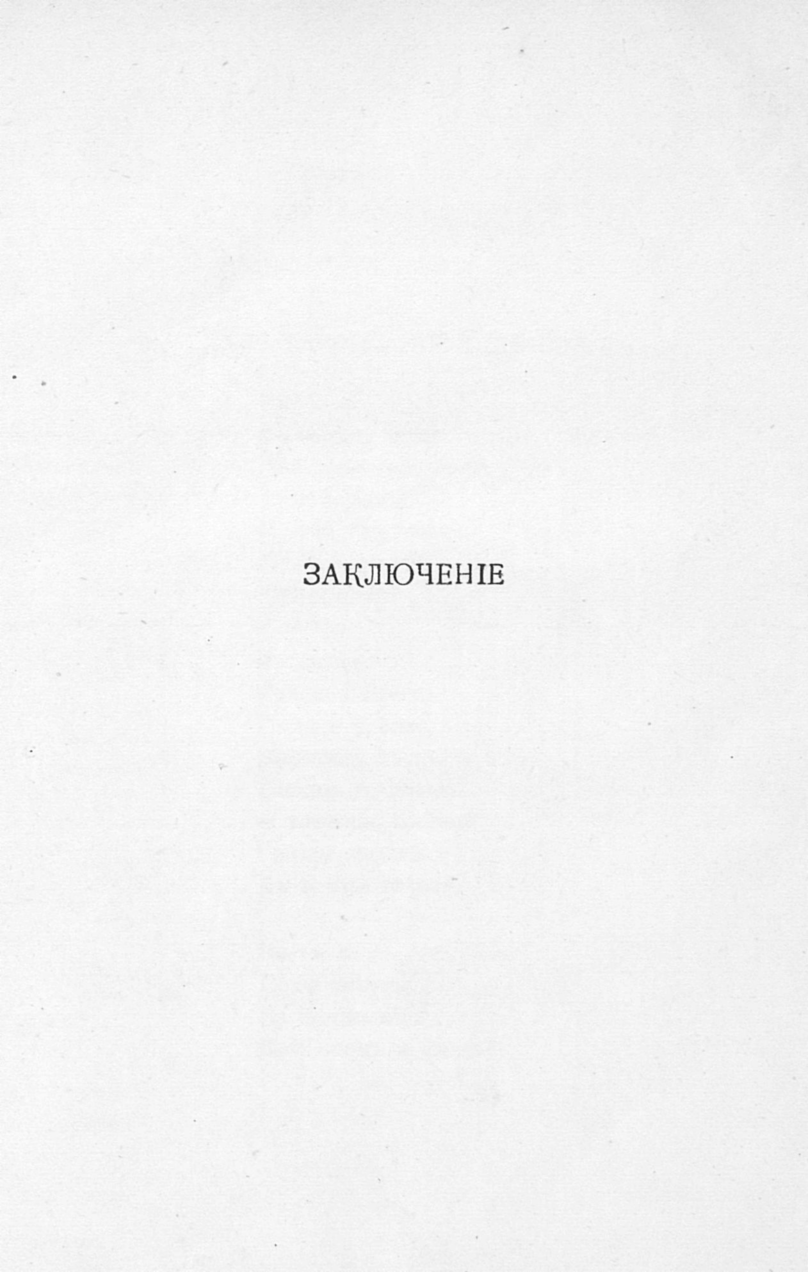
Въ трубномъ вихрѣ плотью
Истлѣвшія цвѣли въ могилахъ кости.
Въ земныхъ утробахъ
Зашевелилась жизнь,
А травы вяли,
Сохли деревья,
Лучи темнѣли.
Холодѣло солнце.

Настало
Великое молчанье.
Въ шафранномъ и тускломъ сумракѣ
Земля лежала разверстымъ кладбищемъ.
Какъ бурые нарывы,
Могильники вздувались,
Разсѣдались,
Обнажая побѣги блѣдной плоти.
Пясти
Ростками тонкихъ пальцевъ
Тянулись изъ земли;
Ладони розовѣли;
Стебли рукъ и ногъ съ усильемъ прорастали,
Вставали торсы, мускулы вздувались,
И быстро поднималась
Живая нива плоти,
Волнуясь и шурша...

Когда же темнымъ клубнемъ,
Въ комкахъ земли и спутанныхъ волосъ
Вскрылась голова,
И мертвыя разверзлись очи, —
Небо
Разодралось, какъ занавѣсъ,
Изсякло время,
Пространство сморщилось
И перестало быть...

И каждый
Внутри себя увидѣлъ
Солнце
Въ Звѣриномъ Кругѣ...
...И самъ себя судилъ...

1. II. 1915.
Парижъ

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

НАДЪ ЗАКОНЧЕННОЙ КНИГОЙ.

Не ты ли
Въ минуту тоски
Швырнулъ на землю
Вѣсы и мечъ,
И далъ безумнымъ
Свободу вѣсить
Добро и зло?

Не ты ли
Смѣсилъ народы
Густо и крѣпко,
Заквасилъ тѣсто
Слезами и кровью
И топчешь, грозный,
Грозды людскія
Въ точилѣ гнѣва?

Не ты ли
Поэта кинулъ
На стогны міра
Быть окомъ и ухомъ?

Не ты ли
Отнялъ силу у рукъ
И запретилъ
Сложить обиды
Въ глубокой чашѣ
Земныхъ вѣсовъ,
Но быть назначилъ
Стрѣлой указующей
Разницу вѣса?

Не ты ли
Неволилъ сердце
Благословить
Убійцъ и жертву
Врага и брата?

Не ты ли
Неволилъ разумъ
Принять свершенье
Непостижимыхъ
Твоихъ путей
Во всемъ горѣньи
Противорѣчій,
Несовмѣстимыхъ
Для человѣчей
Стѣсненной мысли?

Такъ дай же силу
Повѣрить въ мудрость
Пролитой крови;
Дозволь увидѣть
Сквозь смерть и время
Борьбу народовъ,
Какъ спазму страсти,
Извергшей сѣмя
Внѣмiрныхъ всходовъ!

1. XII. 1915.
Парижъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I.

Внутренніе голоса.

II.

Солнечныя сплетенія.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗЕРНА“.

ЦѢНА 75 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Въ книжныхъ магазинахъ.

Т-во М. О. Вольфъ.